

«Новое литературное обозрение»

издательский дом
Москва, Россия, 123104,
Тверской бульвар, д.13, стр.1
Тел.: +7 (495) 229-91-03
info@nlo.magazine.ru
www.nlobooks.ru

XXIV Банные чтения

Стратегии культурного сопротивления и автономизации в закрытых обществах

1–2 апреля 2016 года, Москва

Конференция посвящена проблеме формирования секулярной культуры в традиционалистских, авторитарных, самоизоляционистских современных обществах: стратегиям выживания, сопротивления, адаптации и создания условий для личной и социальной автономии от диктата государства.

Данные стратегии могут в себя включать:

- философские, религиозные, политические, художественные идеи и концепции;
- институциональное строительство;
- личные и корпоративные отношения;
- групповую и индивидуальную идентификацию;
- ценностные и личные стратегии отдельных представителей социальных групп;
- повседневные и поведенческие практики, уклад и стиль жизни и т.д.

Конференция также поднимает вопрос, насколько подобные стратегии были эффективны в условиях авторитарных систем и насколько они оказались пригодными для формирования посттоталитарного общества.

.....

Программа

Пятница, 1 апреля 2016

10.30 — Открытие конференции. Вступительное слово Ирины Прохоровой («Новое литературное обозрение»)

Презентация книги Андрея Зорина «Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века (НЛО, 2016)

12.00 — 14.30 Утреннее заседание:

Воспитание чувств

1. Андрей Зорин (Оксфордский университет, Великобритания). **Госзаказ на символические образы чувства в России конца XVIII века и их альтернативные поставщики**
2. Виктория Фреде (Калифорнийский университет в Беркли, США). **Дружба, тайна и несогласие в Негласном комитете Александра I**
3. Елена Марасинова (Институт русской истории РАН, Москва). **«Иная, лучшая, нужна мне свобода»: фронда русского дворянства во второй половине XVIII века**

15.30 — 18.30 Дневное заседание:

Власть — общество — наука

1. Константин Богданов (Пушкинский дом, Санкт-Петербург). **Система власти и система вещей: филателистическая история**
2. Наталья Скрадоль (Шеффилдский университет, Великобритания). **Закрытое общество и geschlossene Gesellschaft: профессионалы, любители и власть**
3. Николай Ссорин-Чайков (Департамент истории НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). **Советская этнография и изобретение Запада**

Суббота, 2 апреля 2016

11.00 — 14.30 Утреннее заседание:

Художественные стратегии

1. Мара Полговски Эскурра (Куинз-колледж, Кембридж, Великобритания). **Прозрачность, затемнение и разделение видимого в современном мексиканском публич-арте: Стелла света в Мехико**
2. Кирилл Корчагин («Новое литературное обозрение», Москва). **Консервативная революция Виктора Кривулина в 1970—1980-х гг. как форма культурного сопротивления**
3. Кевин М.Ф. Платт (Пенсильванский университет, США). **Поэзия как инструмент мобилизации 3.0**

4. Алексей Юрчак (Калифорнийский университет в Беркли, США). **Монстрация: смысл, абсурд и политическое высказывание в современной России**

15.30 — 19.00 Дневное заседание:

Диалектика (не)свободы

1. Ханс Ульрих Гумбрехт (Стэнфордский университет, США). **Диалектика репрессий**
2. Илья Калинин (Смольный институт свободных искусств и наук, Санкт-Петербург). **«Стиляги XXI века». Стилистическая автономия и узость политического горизонта**
3. Кэтрин Гизан (Миннесотский университет, США). **Переосмысляя российскую демократизацию через «политику воскрешения»**
4. Алексей Левинсон (Левада-центр, Москва). **Готовиться к свободе**

Тезисы

Константин А. Богданов

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург

Система власти и система вещей: филателистическая история

История филателии, когда она пишется в социально-антропологической перспективе, предстает историей людей и сообществ, для которых коллекционирование почтовых марок служит сферой досуга, в котором рациональность опосредована эмоционально и аффективно. Марка в коллекции лишена практического предназначения: она не знак оплаты почтовой корреспонденции, но предметный символ семиотической референции и воображаемой реальности. Однако в разных обстоятельствах социально-психологическая эффективность такой символики различна. Настоящий доклад ограничен историей СССР и превратностями советской идеологии в отношении к филателии и филателистам. От популяризации советской филателии в 1920-е годы до прямых репрессий против филателистов в эпоху сталинизма и расцвета филателистических сообществ в годы правления Хрущева и Брежнева, коллекционирование марок расценивается по-разному, но остается иллюстративным к возможностям и границам социально-психологического выбора в условиях идеологических несвобод. Это и пример надлежащей (само)пропаганды и проявление социального эскапизма, занятие, балансирующее на грани диссидентства и спекуляции, предосудительной

бессмыслицы и инфантилизма. В докладе речь пойдет о том, какими обстоятельствами были вызваны такие изменения, что сопутствовало интересу к филателии и почему само слово «филателист» наделялось ранее — и по сей день наделяется — социально-психологическими коннотациями, сопутствующими представлениям о власти и свободе, принудительном коллективизме и индивидуальном произволе.

Кэтрин Гизан
Миннесотский университет, США

Переосмысляя российскую демократизацию через «политику воскрешения»

Понятие воскрешения (resurrection) возникло в работах исследователей европейской истории и культуры в связи с изучением политических изменений в Европейском Союзе (Совет европейских исследований, 2014). Это понятие также оказывается удачной стартовой точкой для изучения российской демократии. В данном случае воскрешение можно толковать двояко: как «потерянное сокровище» политического прошлого, к которому может апеллировать текущая демократизационная политика (Х. Арендт), и как частные и коллективные процессы самопреобразования (Л. Толстой). В этом докладе рассматривается пример «потерянного сокровища», которое отыскивали современные российские ученые: квази-республиканизм средневековых Новгорода и Пскова, а также анализируются некоторые процессы личного и коллективного воскрешения в СССР и России в 1950-е годы, 1980—90-е годы и в начале XXI в. В докладе также рассмотрена вероятность третьей оттепели. Эмпирические данные получены из исторических источников и трудов исследователей: интервью с авторами и этнографические наблюдения в 2013 и 2015 гг., мемуары, материалы по истории культуры и сравнительной политологии. Западные политологи задаются вопросом, является ли переход от Советского Союза к России примером провалившейся демократизации и применимы ли к изучению России аналитические инструменты, разработанные для процессов демократического преобразования. Для убедительного ответа на первый вопрос недостаточно данных, а на второй вопрос ученые склонны отвечать положительно. Этот доклад предлагает перспективный подход к рассмотрению демократических преобразований, который предполагает отказ от упрощенного бинарного противопоставления демократии и отсутствия оной, а также более серьезно относиться к идее используемого прошлого и низовых политических инициатив.

Ханс Ульрих Гумбрехт
Стэнфордский университет, США

«Диалектика» репрессий

Начиная с эпохи Просвещения (а, может быть, даже Средневековья), интеллектуалы громко сетуют по поводу различных форм «репрессий», осуществляемых государствами разных типов, и в большинстве случаев их обвинения имеют под собой справедливые и законные основания. Сентенция о том, что «во время войны художник должен молчать», пожалуй, служит подтверждением их правоты. Тем не менее история показывает, что репрессивные условия зачастую способствуют самым захватывающим и судьбоносным интеллектуальным инновациям, тогда как в периоды мира и социальной гармонии культуре не хватает творческой энергии. Что стоит почерпнуть из этого опыта интеллектуалам и художникам?

Андрей Зорин

Оксфордский университет, Великобритания

Госзаказ на символические образы чувства в России конца XVIII века и их альтернативные поставщики

Во многих авторитарных государствах власть стремится взять под контроль формирование «эмоционального режима» (У. Редди), в котором это общество живет, санкционируя и стимулируя распространение одобренных свыше «эмоциональных матриц». Для русского самодержавия эпохи Екатерины Великой вопрос воспитания внутреннего мира подданных был первостепенной задачей двора, осуществлявшейся с помощью сатирической журналистики, придворных церемоний и празднеств и, прежде всего, театра. Однако в ту же эпоху были предприняты и альтернативные попытки сформировать символические модели переживаний, наиболее значимыми из которых были книгоиздательская и филантропическая деятельность московских розенкрейцеров и литературная работа Н.М. Карамзина. Конкуренция за создание наиболее привлекательных для общества «эмоциональных матриц» окончилась победой литературы «за явным преимуществом». В докладе будет прослежена первая фаза этого процесса.

Илья Калинин

Смольный институт свободных искусств и наук, Санкт-Петербург

«Стиляги XXI века». Стилистическая автономия и узость политического горизонта

«У меня с советской властью были стилистические разногласия», — говорил, уже находясь в эмиграции, один из самых тонких и проницательных критиков советского режима, Андрей Синявский. Такая позиция, переводящая

сопротивление политическому режиму в рамки культурной критики и эстетической альтернативы, имеет как свои преимущества, так и свои ограничения. Ее позитивный потенциал часто становится предметом благожелательного аналитического внимания, в то время как ее политическая ограниченность зачастую ускользает от внимания исследователей.

С одной стороны, стратегия стилистического сопротивления позволяет создать иное культурное, дискурсивное пространство, избежав зеркального миметического воспроизводства языка-гегемона. С другой, подобная логика протеста, возлагающая свои основные эмансипаторные надежды на создание новых форм репрезентации и художественную креативность, довольно быстро сталкивается с внутренним пределом роста. Отсутствие политически артикулированной программы (в случае с российским протестным движением 2011—2012 годов ограниченной критикой конкретной фигуры и призывом к честным выборам и борьбе с коррупцией) делает такого рода протест относительно безопасным для власти, перехватывающей или лишаящей актуальности (после окончания предвыборной кампании) большую часть протестной повестки. Но что еще более важно, — стилистическая, культурная составляющая протестного движения, воспринимаемая «креативным классом» как его главное достижение на пути к собственной репрезентации, носит вполне идиосинкратический (одновременно, стилистический и узкосоциальный) характер. Именно этот художественно-стилистический акцент во многом и заблокировал превращение движения в по-настоящему массовый протест. Что, в свою очередь, привело к разворачиванию как оппозиционного либерального дискурса, объясняющего спад движения «равнодушием массового избирателя, оболваненного официальными СМИ», так и официального дискурса, объясняющего этот спад тем, что программа протестного движения была изначально «страшно далека от народа».

Материалом для анализа внутренних ограничений, которые наложил на протестное движение его акцент на производство новых стилистических форм авторепрезентации, выступают фильмы Валерия Тодоровского «Стиляги» (2008) и «Оттепель» (2013), очерчивающие формат современной рефлексии «креативного класса» над инакомыслием 1960-х, а также непосредственные формы уличной и дискурсивной репрезентации культурной и социальной инаковости, характерные для участников и лидеров протестов 2011—2012 годов.

Кирилл Корчагин

«Новое литературное обозрение», Москва

Консервативная революция в эстетике Виктора Кривулина 1970—1980-х гг. как форма культурного сопротивления

В 1968 году вышла книга Михаила Лифшица «Кризис безобразия», автор которой резко выступал против всего современного европейского искусства,

восходящего к модернистским практикам конца XIX — начала XX века. Эта книга активно обсуждалась в Советском союзе, и в одном из таких публичных обсуждений принял участие в будущем видный деятель ленинградской неофициальной жизни — поэт Виктор Кривулин. Стенограмма этого обсуждения запечатлела сформулированный Кривулиным призыв: «Нужны общеобязательные нормы в жизни и в искусстве». Спустя годы поэт в самиздатских журналах Ленинграда начинают появляться статьи Кривулина о новейшей поэзии, в которой он формулирует ключевые нормы ее существования. Он пишет о том, что в его литературном поколении произошла «революция поэтического языка», которая была связана с так называемым «принципом исторического опыта в личное слово», предполагавшим отказ от индивидуального опыта ради обращения к опыту историческому, превосходящему опыт отдельного индивидуума. Детальное рассмотрение эстетических работ Кривулина показывает, что декларируемая им революция поэтического языка на деле оказывалась «консервативной»: она заимствовала многие черты эстетики Михаила Лифшица, подтверждая их другим набором авторов (*модернистских* — что для антимодерниста Лифшица было бы неприемлемо). Эта система взглядов почти на два десятилетия стала определяющей для неофициальной литературы Ленинграда и составила ядро культурной идентичности многих неофициальных художников — основу их сопротивления официальной соцреалистической литературе. Причиной странного сближения Кривулина и Лифшица была, видимо, неортодоксальность и радикальность эстетики последнего, для которого современная ему официальная литература была так же далека от идеала, как и обличаемое модернистское искусство. Все это позволило Кривулину сохранить структуру антимодернистской эстетики Лифшица, отразив при этом ключевые положения Лифшица в «перевернутом» виде: модернисты возглавляли литературный канон Кривулина, однако не все модернисты, а только те, которые никак не были связаны с позднейшей официальной литературой. Кривулин заимствовал у Лифшица также тотальность эстетической программы: тотальность эстетики Кривулина позволяла не просто сопротивляться официальной литературе, но игнорировать ее существование и создавать собственный литературный и художественный канон, никак не соотносившийся с каноном официальным. Такой понятой особым образом эстетический консерватизм позволял неофициальному искусству на протяжении почти двадцати лет сохранять автономию — лишь в 1990-е годы вместе со снятием оппозиции «официальное — неофициальное» противоречия, заложенные во взглядах Кривулина, вышли на поверхность и привели к стремительному распаду этой эстетической системы.

Алексей Левинсон
Левада-центр, Москва

Готовиться к свободе

Реальность нынешняя в РФ имеет сходство с реальностью 1960—1980-х годов в СССР в том, что некоторое меньшинство находит себя в прямом противостоянии с режимом. При этом режим, как и ранее, предпринимает меры против этого меньшинства посредством своих формальных институтов (от медиа до карательных). А меньшинство пользуется новыми неинституционализированными методами или средствами неформальных институтов (различные формы коллективного действия в интернете). Одна из наиболее ясно сформулированных новых целей меньшинства — получить доступ к формально институционализированным средствам, через выборы в парламент. Иные цели не заявлены.

Другое важное отличие: меньшинство 1960—1980-х формировало связную платформу демократических ценностей и целей. Оно передало ее большому обществу, когда открылась такая возможность в 1985—1991 гг. Нынешнее меньшинство связной программы не создает. Работа над путями дальнейшего (после этого режима) развития страны не идет. Меж тем, как нас учат те, кто продвинулся дальше нас, «к свободе надо готовиться сейчас».

Елена Марасинова

Институт русской истории РАН, Москва

«Иная, лучшая, потребна мне свобода»: фронда русского дворянства во второй половине XVIII века

Уникальное для общеевропейского контекста появление дворянской фронды в России второй половины XVIII века было обусловлено рядом особенностей социо-политического развития русского общества и государства.

Слабость третьего класса, режим абсолютизма и крепостничества, мощный механизм социального контроля власти по воспитанию ценностей «служилого шляхетства», исключительность привилегированного положения и бытовая свобода дворянства, элита которого являлась самой европеизированной, мобильной, богатой и амбициозной социальной группой, — совокупность всех этих обстоятельств породила фрондерские настроения в наиболее образованных и мыслящих кругах и, в конечном счете, идеологический и психологический раскол в среде высшего сословия.

Во второй половине XVIII века протест еще только зарождался, был не всегда осознанным и выходящим за пределы одной личности, что обусловило сложные противоречивые фигуры «едких пересмешников» Екатерининского правления.

- В плане содержательном фрондерские настроения, с одной стороны, представляли собой отрицание господствующих ценностей: службы, чинов, отношений в придворной среде и даже «презумпции невиновности»

императорской особы, а с другой, были связаны с культивированием идеала жизни «частного человека».

- Поведенческими проявлениями негативного настроения становилась резкая критика нравов дворянского сословия, которая не выходила, однако, за границы личного дневника, частного письма и литературной сатиры. В то же время фрондерство могло проявляться в выборе альтернативных стратегий и предпочтений: дружеский кружок, масонское братство, уединение в усадьбе, отъезд в Европу и т.п.

Фрондерские настроения в среде дворянской элиты не имели политической окраски, не были направлены против основ самодержавия, часто выражались во внутренней изоляции и попытках уклониться от навязываемой роли «слуги царя и отечества». Проявления оппозиционности не всегда легко прочитываются по источникам и требуют специальных методик исследования. В этом отношении тонкости наблюдения за состоянием личности можно поучиться у власти и самой самодержавной императрицы, которая была очень заинтересована в распознавании «опасной мечтательности»: «Человек сначала начинает чувствовать скуку и грусть, иногда от праздности, а иногда и от чтения книг: зачнет жаловаться на все, что его окружает, вздумает строить замки на воздухе, все люди не так делают, и само правительство, как бы радетельно ни старалось, ничем не угождает. Иногда несколько их съезжалось вместе, но сие прежде сего весьма прибавляло им опасности».

Кевин М.Ф. Платт

Пенсильванский университет, США

Поэзия как инструмент мобилизации 3.0

Концептуальный текст и публичный перформанс глубоко укоренены в российской традиции политизированных арт-практик. Несомненно, их истоки можно обнаружить в акциях советских диссидентов и деятелей неофициальной арт-сцены 1960—70-х годов, работавших с текстом: вспомним, к примеру, простой, но концептуально блестящий плакат А. Есенина-Вольпина, посвященный состоявшемуся в 1965 г. первому митингу гласности и гласящий «Уважайте Советскую Конституцию», или арт-хэппенинги группы А. Монастырского 1970-х гг. Вероятно, эти традиции берут свое начало в искусстве радикального политического плаката XIX и начала XX в.

Один из недавних эпизодов в истории концептуально и политически заряженного текста в публичном пространстве России связан с деятельностью Лаборатории поэтического акционизма в Санкт-Петербурге. Павел Арсеньев и его коллеги часто обращаются к ранним практикам концептуальных надписей в общественном пространстве при создании видеопоззии, распространяемой электронными медиа. Многие акции Арсеньева очевидным образом основываются на традиции художественных вторжений в политический дискурс. Результат работ Арсеньева оказывается дважды, а порой и трижды

опосредованным вмешательством концептуальных текстов в публичные пространства, когда исторически заряженные тексты заново внедряются в городскую среду, а затем записываются и распространяются в цифровом виде — концептуалистская версия дополненной реальности.

Как эти практики реагируют на ситуацию «закрытого общества», в котором политическая мобилизация становится все более затрудненной, рискованной и редкой? Каким образом переосмысление практик концептуального текста, публично написанного и представленного, изменяет перформативное воздействие на публику, которая не может непосредственно ощутить тактильную и пространственную актуальность арт-объекта, но зато является частью более широкой и дисперсной аудитории благодаря интернет-распространению? Наконец, как Арсеньев и его начинания не только вступают в диалог с предшествующей традицией, но и перекраивают историю советской эпохи, отличную от официального и мейнстримного переосмысления истории, согласно которому искусство Монастырского, Кабакова и других художников все чаще воспринимается как арт-товар? В своем докладе я проанализирую несколько примеров подобной акционистской видеопоззии с точки зрения эстетического воздействия, мобилизационного потенциала и политического вмешательства в исторические традиции.

Мара Полговски Эзкурра

Куинз-колледж (Кембриджский университет), Великобритания

Прозрачность, затемнение и разделение видимого в современном мексиканском паблик-арте: Стелла света в Мехико

В начале XX века ключевым понятием в мексиканской политике стала «прозрачность» — многие усматривали в ней высший идеал, в то время как политическая жизнь шла по пессимистичному и насильственному сценарию. Принято считать, что прозрачность была стержнем демократического процесса, который начался после 71 года нахождения у власти одной партии и сопровождался реорганизацией государства и общества по неолиберальной модели.

Сегодня же понятие «прозрачность» в политическом дискурсе скорее привлекает внимание широким спектром его интерпретаций, а также социальными последствиями его функционирования в управленческих технологиях и образах мышления. Стоит заметить, что прямая связь между прозрачностью и демократической подотчетностью затрудняется становлением так называемого «общества слежки», при котором государство и частные корпорации могут вторгаться в большинство сфер публичной и приватной жизни. Как утверждает Бён Чхоль Хан, «открытое общество представляет собой не общество доверия, но общество контроля» (2015). Хан описывает прозрачность как «неолиберальный диспозитив», ведущий к стремительной

девальвации прав на личную тайну, чуждость и инаковость, чему способствует внешне добровольное включение людей в мир цифровых технологий.

Учитывая обширную историю и смысловую насыщенность идеи прозрачности, любая осмысленная критика этого понятия требует внимательного рассмотрения его локальных значений, а также дискуссии о том, как оно влияет на материальное и символическое наполнение публичного пространства и культуры. В своем докладе я обращаюсь к одному из самых заметных воплощений идеала прозрачности в городской среде современной Мексики: речь идет о Стелле света в Мехико — 104-х-метровой колонне из прозрачного кварца, возвышающейся над центром цифровой культуры и окруженной городской площадью. Первоначально это пространство задумывалось как главный культурный проект в рамках празднования 200-летней годовщины независимости Мексики в 2010 году. Изучение краткой культурной истории этого явления, а также спора вокруг него художников и активистов, позволяет не только выявить контекст недоверия, пробудившего безудержное желание большей политической открытости, но и степень, в которой активисты и общественные организации стали добиваться открытости от выходящего из-под контроля государства. Доклад дает мне возможность показать неолиберальную или «прозрачную» демократию в современной Мексике как процесс столкновения того, что может быть определено, показано и увидено, — процесс, которому сопутствует ясно выраженная «морализация объективности». В этом контексте паблик-арт превращается в важную платформу для взаимодействия и высказывания конкурирующих мнений о том, что может быть скрыто за «непосредственными» политическими истинами.

Наталья Скрадоль

Шеффилдский университет, Великобритания

Закрытое общество и geschlossene Gesellschaft: профессионалы, любители и власть

«Geschlossene Gesellschaft» на немецком — это и «закрытое общество», и то, что по-английски называют «private function», мероприятие, на которое приглашены только «свои», часто — коллеги по цеху. В докладе я рассмотрю принадлежность к той или иной профессиональной группе как способ противопоставить свои знания, свои интересы, себя как личность режиму — и наоборот, определение тем или иным «закрытым» режимом профессионализма и «любительства», частое предпочтение второго первому или определение профессионализма согласно новым критериям, как способ (осознанный или нет) борьбы с упрямыми. Тема будет рассмотрена на материалах практик в Германии и ранней ГДР конца 1920-х — начала 1950-х годов.

Николай Ссорин-Чайков

Департамент истории НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Советская этнография и изобретение Запада

Несмотря на политическую и концептуальную обособленность советской этнографии, в ней существовали как зарубежные исследования, так и систематическая рефлексия по поводу западных антропологических традиций. Каким образом относятся к ним сегодня? Каков был их академический престиж и вес? И насколько российская этнографическая традиция в более длительной исторической перспективе — в частности, сегодня, когда амбивалентный культ «мировой науки» сочетается в ней со стремлением найти свой уникальный путь и уникальную идентичность, — связана с этим историческим контекстом? Предлагаемый доклад ставит вопрос о жанре западной историографии в советской и российской науке и о социальной организации этого жанра. Доклад предлагает к рассмотрению проблему оксидентализма — культурного воображения Запада в России и СССР — в исследованиях западных сообществ и академических традиций. Нас будет интересовать соотношение образа Запада как «другого» и как «настоящего себя» — и как предмета дистанцирования, и как источника самоидентификации и понимания «нормальности». В качестве исторического фона будут рассмотрены позитивные отсылки к опыту британской и американской антропологии в советской этнографии 1920-х годов и стандартные обвинения западной науки в империализме в более позднее советское время. Основная часть доклада посвящена созданным в 1970-е и 1980-е годы фундаментальным трудам по истории культурной и социальной антропологии, а также буму переводов западных классических текстов в 1990-е и 2000-е годы и практике их прочтения. Нас будет интересовать внутренняя сложность жанра критики западных подходов, которая включает отношения соревновательности и имитации, но не исчерпывается ими. Как можно понимать академический авторитет занятия этой историографической проблематикой, ее внутреннюю опасность и престижность в свете теорий отношений знания/власти — в частности, в теориях культурного сопротивления и конформизма, форм культурного и академического капитала и «нового диффузианизма»? Можно ли говорить о специфически российском содержании культурных смыслов и значениях Запада в (академической) российской повседневности — и, таким образом, о «Западе» как изобретенной традиции?

Виктория Фреде

Калифорнийский университет в Беркли, США

Дружба, тайна и несогласие в Негласном комитете Александра I

Юный великий князь Александр часто был наставляем своим швейцарским учителем Фредериком Сезаром де Лагарпом о разлагающих моральных последствиях власти. Двор, учил де Лагарп, — это место, полное различных

опасностей: придворные, развращенные физически и морально, могут парализовать волю даже самого благонамеренного правителя. В этих случаях идеология сентиментализма предписывала одно спасительное средство — дружбу. Взойдя на престол, Александр немедленно обратился к кругу людей, с которыми он находился в дружеских отношениях в 1790-е годы: Павлу Строганову, Виктору Кочубею, Адаму Чарторыскому и Николаю Новосильцеву. Впоследствии эти люди составили Негласный комитет. Доклад призван показать, как словарь сентиментализма с его акцентом на тесную близость, дружбу и добродетель повлиял на работу Негласного комитета и помог выработать выражения, в которых друзья обращались к юному монарху, а также способы, которыми они пытались разграничить дружбу и фаворитизм. Также в докладе исследуется, когда и при каких обстоятельствах было возможно выражение несогласия как в годы существования Негласного комитета, так и в последующие годы. Подобное несогласие должно было оставаться в тайне, за закрытыми дверями, и дело не могло обстоять иначе: как показал Хабермас, сама категория публичной критики в политической жизни того времени только начинала утверждаться. Режим секретности имел и другие значения для членов комитета, но прежде всего он обладал легитимирующей функцией. Теория Зиммеля здесь может быть применена, чтобы показать, каким образом, с точки зрения участников, секретность символически подчеркивала статус избранности комитета и гарантировала его моральную чистоту.

Алексей Юрчак

Калифорнийский университет в Беркли, США

Монстрация: смысл, абсурд и политическое высказывание в сегодняшней России

В последние годы в контексте маршей, проходящих 1 мая во многих городах России и носящих название «монстрация», сформировался новый вид оппозиционного политического высказывания. Это высказывание может показаться «абсурдным» и «аполитичным», и именно так его чаще всего характеризуют в государственной прессе. Однако оно в значительной мере является вполне конкретным политическим высказыванием, хотя и построенным необычным образом. Благодаря особой форме это политическое высказывание не поддается прямому описанию в терминах бинарного политического языка, который доминирует в сегодняшней России и среди государственных СМИ, и среди либеральной оппозиции. Согласно этому языку российское политическое пространство сегодня разделено на две части — на «патриотов» и «предателей» (по версии государственного дискурса) или на «активных граждан» и «агрессивно-пассивный народ» (по версии либерального дискурса). Большинство политических высказываний сегодня описывается этой бинарной схемой. Однако монстрации построены иначе —

оставаясь оппозиционными мероприятиями и высказываниями, они, тем не менее, не попадают в бинарное описание политического пространства. Как именно строятся эти высказывания? Почему их следует относить именно к политическим высказываниям? Какую роль эти мероприятия играют в формировании оппозиционного политического пространства? Существует ли преемственность в стратегии монстраций с советским неофициальным языком? На эти вопросы попытается дать ответ докладчик.

.....

Информация об участниках

Константин Богданов

Филолог, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, выпускник кафедры классической филологии Ленинградского государственного университета, доктор филологических наук, автор исследований по истории культуры, науки и гуманитарного знания, в том числе книг «Деньги в фольклоре» (1995), «Homo tacens. Очерки по антропологии молчания» (1998), «Арат Солийский. Явления. Перевод с древнегреческого и комментарий» (2000), «Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности» (2001, 2-е изд. — 2015), «Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX вв.» (2005), «О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов» (2006), «Vox Populi. Фольклорные жанры советской культуры» (2009), «Из истории клякс. Филологические наблюдения» (НЛО, 2012); «Переменные величины. Погода русской истории и другие сюжеты» (НЛО, 2014).

Кэтрин Гизан

Политолог, PhD (2000). Автор книг «Un sens à l'Europe: Gagner la paix (1950—2003)» (Paris: Odile Jacob, 2003) и «A Political Theory of Identity in European Integration: Memory and policies» (Oxford: Routledge, 2011), а также многочисленных статей и глав монографий, посвященных теории демократии, Европейскому Союзу и международным отношениям. Преподает в Миннесотском университете, также вела занятия в университетах Амстердама и Утрехта (Нидерланды), Гренобля (Франция) и в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Ханс Ульрих Гумбрехт

Немецко-американский теоретик литературы, философ и историк культуры. Получил образование в университетах Мюнхена, Парижа, Регенсбурга, Саламанки, Павии и Констанца. Профессор французской, испанской, немецкой

и португальской литературы Стэнфордского университета (преполагает в нем с 1989 года). Член редколлегии ряда научных журналов, в том числе «Нового литературного обозрения». Объекты исследований: западная философская традиция, концепции рациональности эпохи Просвещения, различные формы эстетического опыта, в том числе удовольствие от созерцания спортивных состязаний, и т.д. Главные его книги — «В 1926 году: жизнь на острие времени», «Производство присутствия: Чего не может передать значение» и «Похвала красоте спорта» — переведены на русский язык и изданы в «НЛО».

Андрей Зорин

Доктор филологических наук, профессор Оксфордского университета и Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»). Член редколлегии журналов «Новое литературное обозрение», «Slavic Review», «Cahiers de Monde Russe». Сфера интересов — русская литература и культура конца XVIII — начала XIX века в европейском контексте, история эмоций, история образованного сообщества в России и СССР. Автор множества работ, в том числе книг «Где сидит фазан: Очерки последних лет» (НЛО, 2003), «Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология конца XVIII — начала XIX века» (НЛО, 2001. 2-е изд.: НЛО, 2004. Англ. перевод «By Fables Alone». Academic Studies Press, 2014), а также монографии «Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века», которая выйдет в «НЛО» накануне XXIV Банных чтений.

Илья Калинин

Филолог, историк культуры, критик. Доцент факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре». Редактор книжных серий «Библиотека журнала „Неприкосновенный запас“» и «Интеллектуальная история» в издательстве «Новое литературное обозрение». Автор многочисленных научных статей, опубликованных в журналах: «Ab Imperio», «Baltic Worlds», «Sign Systems Studies», «Social Sciences», «Russian Literature», «Russian Studies», «Russian Studies in Literature», «Slavonica», «Wiener Slawistischer Almanach», «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение», «Звезда» и т.д. В настоящее время готовит к печати книгу «История как искусство членораздельности. Русские формалисты и революция».

Кирилл Корчагин

Филолог, кандидат филологических наук. Автор многочисленных публикаций о современной поэзии и поэтическом языке. Один из создателей поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Работает редактором в журнале «Новое литературное обозрение» и научным сотрудником в Институте русского языка им. В.В. Виноградова; соредaktor альманаха «Транслит». Один

из авторов учебника «Поэзия». Лауреат премии Андрея Белого в номинации «Литературные проекты и критика» (2013) за серию критических статей о современной литературе. Сфера интересов: современная поэзия, философская герменевтика поэтического текста, литература и политика.

Алексей Левинсон

Социолог, руководитель отдела социокультурных исследований в Аналитическом центре Юрия Левады, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, кандидат искусствоведения. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «История стран Востока». Профессиональные интересы: качественные методы в социологических и маркетинговых исследованиях; социология образования; социокультурные аспекты урбанизации; социология молодежи; проблемы антисемитизма и др. Автор многочисленных научных публикаций, в том числе изданного в «НЛО» сборника статей «Опыт социогграфии» (2004). Постоянный обозреватель журнала «Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре».

Елена Марасинова

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Область научных интересов: русская история и литература XVIII—XIX веков (в частности: общественное сознание, повседневность, социальная история русского дворянства, Begriffsgeschichte, механизмы социального контроля, Просвещение, отражение истории общественной мысли в литературе и т.п.). Автор многих научных работ, в том числе монографий «Психология элиты русского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)» (1999), «Власть и личность: очерки русской истории XVIII века» (2008).

Кевин М.Ф. Платт

Историк культуры, PhD (Стэнфордский университет), заведующий программой сравнительной литературы и литературной теории Пенсильванского университета. Область интересов: репрезентации истории и коллективная память в России, российская историография, русская лирическая поэзия, русская культура после распада СССР. Автор книг «History in a Grotesque Key. Russian Literature and the Idea of Revolution» (Stanford University Press, 1997; русский перевод: «История в гротескном ключе: Русская литература и идея революции». М.: Академический проект, 2007) и «Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths» (Cornell University Press, 2011). В настоящее время заканчивает книгу «Культурные практики извне: русские в Латвии» и работает над исследованием о русской историографии XVIII—XXI веков. Живет и работает в Филадельфии, США.

Мара Полговски Эскурра

Искусствовед, PhD (Latin American Cultural Studies), младший научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований в Куинз-колледж (Кембриджский университет). Профессиональные интересы: латиноамериканское искусство и визуальная культура, экспериментальные художественные практики, теория эстетики. Публиковала статьи, посвященные Вальтеру Беньямину и Бертольду Брехту, латиноамериканскому неоавангарду, видеоарту, перформансу, эстетике взаимоотношений, а также роли религии и сакрального в современном искусстве. Соредактор книги “Sabotage Art: Politics and Iconoclasm in Contemporary Latin America”, которая будет издана весной 2016 года.

Наталья Скрадоль

PhD, научный сотрудник кафедры славистики Шеффилдского университета (Великобритания). Исследовательские интересы включают культурно-исторический анализ риторики тоталитарных режимов (в особенности сталинизма и национал-социализма), а также проявления экстраординарности в культуре и языке. Публиковалась в «Новом литературном обозрении», «Utopian Studies», «Slavic Review», «Slavonic and East European Review», «German Studies Review», «Totalitarian Movements and Political Religions» и других академических изданиях и сборниках. Монография «Extra-Ordinary: The New Man in the Old Times» находится на рассмотрении в академическом издательстве. Работает над монографией (в соавторстве) о юморе эпохи сталинизма.

Николай Ссорин-Чайков

Антрополог, PhD (антропология, Стэнфордский университет), доцент департамента истории НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), научный сотрудник и преподаватель Кембриджского университета в 2001—2015 годах. Область профессиональных интересов: антропология дарообмена, антропология постсоциализма, историческая антропология. Автор ряда научных публикаций, составитель и редактор нескольких сборников статей, в том числе изданной в «НЛО» книги «Топография счастья: этнографические карты модерна» (2013).

Виктория Фреде

Историк, профессор исторического факультета Калифорнийского университета в Беркли (США). Окончила Кембриджский университет и Школу славяноведения Университетского колледжа в Лондоне. Защитила PhD в Беркли (2002). Область научных интересов: Российская империя конца XVIII — XIX вв.; история интеллектуального развития в России (в сравнении с аналогичными процессами в Германии, Франции и Великобритании); история

антирелигиозной мысли; история эмоций; история дружбы. Автор книги “Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia” (Wisconsin University Press, 2011). В настоящее время работает над исследованием по истории дружбы в России конца XVIII — начала XIX в.

Алексей Юрчак

Антрополог (PhD, Duke University, 1997), профессор Калифорнийского университета в Беркли (США). Область научных интересов: история Советского Союза и процессы постсоциалистической трансформации в странах бывшего СССР и Восточной Европы; политические институты и идеология советской и постсоветской России; взаимодействие языка/дискурса и власти; сравнительные исследования коммунистических и капиталистических обществ; антропология медиа; визуальная антропология; художественно-экспериментальные явления (особенно в России и США); городская география и антропология пространства. Автор книги «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение», изданной на английском языке в 2005 году и ставшей классической в области советологических исследований. Русская версия книги, переписанная заново самим автором и существенно доработанная по сравнению с оригиналом, вышла в «Новом литературном обозрении» и выдержала два издания (2014, 2015). Работа принесла автору премию «Wayne Vucinic Book Award» (2007) и премию «Просветитель» (2015).